

К выходу в свет новых томов «Праславянского словаря»

А. Е. Аникин

Институт филологии Сибирского отделения РАН
(Новосибирск, Россия)
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Поздравительное вступление

Обращение к заявленной теме хотелось бы предварить обращением к Анне Абрамовне Пичхадзе. Мое знакомство с Анной Абрамовной, дорогой Аней, состоялось в предновогодние дни 1979 г., при веселом занятии — надувании воздушных шариков для праздника.

Анна Абрамовна — надежный и чуткий друг, который никогда не оставит ближнего в беде. Она абсолютно тверда и решительна в отстаивании своих моральных принципов и воззрений. Она человек сильного и пронизательного ума¹, больших интеллектуальных способностей, что вкупе с упорством и целеустремленностью позволяет ей полноценно освоить (по собственному желанию, а иногда и по необходимости) разные сферы знания: классическую филологию, древнерусскую книжность, древнерусский язык, русскую этимологию и др. — становясь в каждой из этих областей первоклассным профессионалом. Ей часто выпадает самый трудный из имеющихся вариантов жизненного пути, и она не уклоняется от него, проявляя силу духа; иногда кажется, что сложности и проблемы² сами притягиваются к ней. Перечислять подтверждения здесь нет возможности.

В коллективных проектах она обычно берет на себя самую трудную и подчас не слишком благодарную работу. Такова и ее подвижническая деятельность на поприще главного редактора журнала «Русский язык в научном освещении», включавшая за многие годы не только многотрудное

¹ В связи с темой ума вспоминается следующий эпизод. Как-то раз, в июле 1982 г., мы вдвоем с В. Э. Орлом шли по Волхонке на встречу с Анной Абрамовной. Начинался дождь. «Кажется, у Ани нет зонтика», — сказал я. «У Ани есть интеллект», — парировал Орел, оставляя место для догадок насчет отношений интеллекта и зонтика.

² В том числе связанные с хрупким здоровьем.

редактирование, чтение корректур и проведение редколлегий, но и заботы по отправке экземпляров журнала подписчикам — вплоть до хождения на почту и стояния в очереди.

Такова была и ее деятельность в Группе этимологического словаря русского языка³, созданной в Институте русского языка АН СССР в середине 1980-х⁴. Задачи, цели и специфика этого словаря не были сколько-нибудь четко определены — соответствующие проблемы решались по ходу дела. В общем было ясно, что он должен был стать современным справочником, который в рамках словника литературного языка по мере возможности обобщил бы достижения этимологии последних десятилетий. Благодаря Анне Абрамовне и фактически под ее неформальным руководством новый этимологический словарь разрабатывался на основе постоянного привлечения не только данных словарей, но и корпуса памятников русского языка, благодаря чему каждое слово и его старшие фиксации обретали полную документацию. Наибольшего прогресса в сравнении со словарем Фасмера, как не раз указывалось его критиками, главным образом отечественными (в особенности таким проницательным и жестким, как А. И. Попов, ср. [Попов 1969: 126]), можно добиться именно путем систематического обращения к первоисточникам — летописям, грамотам и т. п. древним актам.

Включившись в работу над новым этимологическим словарем, Анна Абрамовна взяла на себя и основную работу по сверке данных из памятников по всем привлекаемым словам, редактированию текста словарных статей, а также фактически руководила подготовкой картотеки для будущего словаря. Это подразумевало расписывание необозримой этимологической литературы на разных языках (подбор квалифицированных кадров для этого непростого занятия, проверку карточек); немало литературы она расписала и собственноручно. К сожалению, вся эта работа в 1994–1995 гг. прекратилась, и память о Группе этимологического словаря сохраняется главным образом в двух изданных книгах ([НРЭ] и научно-популярная [ИИРС], выдержавшая два издания), упомянутой картотеке и подготовленных участницей Группы И. А. Корнилаевой рукописных словарных статьях на букву *ф*.

Книга [НРЭ] получила весьма высокую оценку в отзывах В. Н. Топорова и А. Ф. Журавлева⁵ и в рецензии крупного литовского специалиста

³ Анне Абрамовне пришлось тогда отвлечься от своей основной деятельности в области палеославистики, истории древнерусского языка и других направлений, также включающих, однако, более или менее значительный историко-этимологический аспект.

⁴ Об этой Группе и ее работе см. [Аникин 2016].

⁵ Текст отзывов приводится в [Аникин 2016], здесь же см. отрицательный (как представляется, несправедливый) отзыв О. Н. Трубачева.

по балто-славянскому языкознанию В. Урбутиса, расценившего эту книгу как продолжение научной традиции М. Фасмера и констатировавшего, что она обогащает не только русскую, но и балтийскую этимологию [Urbutis 2002: 369–372]. К сожалению, круг работ, в которых используются [НРЭ] и [ИИРС], отнюдь не велик, а они, несомненно, заслуживают лучшей участи. Они цитируются в недавней книге дополнений Б. О. Огибенина к словарю М. Фасмера [Ogiubénine 2023] и в этимологическом словаре В. Э. Орла [Orel]. На них постоянно опирается [РЭС].

Количество подготовленных А. А. Пичхадзе статей, опубликованных в [НРЭ] и [ИИРС], составляет несколько десятков. Это превосходные образцы этимологических разработок — точных, логичных, убедительных, без единого лишнего слова. Среди ее статей — посвященные некоторым явным или потенциальным латинизмам и грецизмам русского и других славянских языков (обновленный взгляд на тему, с которой началась научная деятельность М. Фасмера). Эти статьи здесь уместно перечислить: *алтарь, баня, банка, буйвол, високосный, грамота, греки, дьяк, жид, иеродьякон, каморка, канон, канун, катавасия, келья, кесарь, кивот, клевет, коляда, корабль, кот, кровать, кукла, куколь, кулич, латынь, монстр, мята, ноябрь, огурец, палата, паломник, парус, перец, подъячий, полати, русалии, русалка, ряса, свекла, скамья, сорокоуст, тимьян, трапеза, тропарь, февраль, финифт, херувим, хрусталь, царь, церковь, цесарь, черешня, январь*.

Сюда примыкают статьи А. А. Пичхадзе из [НРЭ] и [ИИРС], посвященные заимствованиям из иных источников и ряду исконнорусских слов: *бумага, застрять, зубрить, изящный, катить, качать, киса, конопатить, конопатый, конопля, короб, коробить, котик, котиться, кулёма, кулига, кулич, кулички, куль, лён, лихорадка, мак, маковица, макуха, макушка, настырный, насущный, нерадивый, оскорбить, отрада, пентюх, пластырь, присный, про, прок, прочий, прочить, прочный, прочь, пряник, пряный, рад, радеть, ради, радимичи, радуга, радуница, радушный, репа, репица, реполов, сквалыга, скорбь, скрести, стряпать, стряпчий, сулить, сурепа, сурепка, ущерб, цесарка, щербина*.

В перечисленных статьях содержится множество уточнений к имеющимся этимологиям и истории слов, в частности касающихся старших фиксаций слов в памятниках письменности, направления заимствований, их посредствующих звеньев, фонетических и иных деталей. А. А. Пичхадзе удалось обосновать несколько оригинальных решений, например, сопоставление *стряпать* с лит. *striūpti* ‘жить с трудом’, ‘тянуть, медлить’ [Пичхадзе 2003: 228].

Реализованный в [НРЭ] и [ИИРС] историко-этимологический подход, основанный на данных памятников письменности, к сожалению, не нашел

и по разным причинам не мог найти продолжения в «Русском этимологическом словаре» [РЭС]. Словарные статьи [РЭС] основаны преимущественно на лексикографических данных, т. е. почерпнуты из диалектных и исторических словарей русского языка, а также из словарей литературного языка и лишь в относительно небольшой степени опираются на привлечение и анализ памятников письменности, что является шагом назад в сравнении с [НРЭ] и [ИИРС] (правда, в [РЭС] довольно широко используется литература об истории слов). По совету А. А. Пичхадзе в [РЭС] лишь в порядке исключения используется уязвимая практика ссылок на памятники письменности не путем обращения к ним напрямую, а по данным словарей (см. об этой практике критически [Крысько 2014: 109]).

* * *

Далее — к заявленной в заголовке теме данной заметки как таковой.

В 2024 г. в Кракове после долгого перерыва из печати вышли X и XI тома «Праславянского словаря» («Słownik prasłowiański»⁶ — [SP]), посвященные отрезку словника от **ka-* до **ky-*⁷, т. е., собственно, праславянской лексике на **k-*, которая была рассмотрена в московском «Этимологическом словаре славянских языков» (далее — [ЭССЯ]) около 40 лет назад, в выпусках 9–13 (1983–1987). Я обещал А. А. Пичхадзе подготовить для журнала «Русский язык в научном освещении» рецензию на это новое издание, но в связи с подготовкой сборника в ее честь показалось целесообразным предложить для него не рецензию, а некоторые наблюдения над [SP X–XI] с оглядкой на имеющийся в наследии О. Н. Трубачева «опыт параллельного чтения» [SP] и [ЭССЯ] [Трубачев 1978], написанный в ту далекую пору, когда оба словаря шли параллельным курсом и между ними имело место своего рода соревнование. [ЭССЯ] уже давно ушел далеко вперед, и [SP] может при желании использовать, как это делалось и ранее, его данные наряду с другими достижениями славистики и индоевропеистики последних лет, включая недавно опубликованные новые лексические (диалектные и др.) материалы. Уместно вспомнить, что на данных [ЭССЯ] во многом основан словарь Р. Дерксена [Derksen]. При сравнении [SP] и [ЭССЯ] приходится считаться с различиями между ними, в том числе в репертуаре графем для презентации праславянской лексики: *ǵ, ǵ* и *ǵ, ǵ* в [SP] при *ъr, ъl* и *ьr, ьl* в [ЭССЯ], ср. **kǵrь* [SP, X: 149] и **kьrь* [ЭССЯ, 13: 189] и под. Речь в настоящей заметке пойдет преимущественно о десятом томе [SP].

⁶ Тома X и XI подготовлены большим коллективом авторов под редакцией М. Якубович. IX ожидает публикации, VIII вышел более 20 лет назад, в 2001 г.

⁷ Астериск над реконструкциями из [SP] здесь и далее ставится; см. ниже о его (не)использовании в [SP].

За последние годы авторский коллектив [SP] почти полностью сменился⁸, некоторые ученые ушли из жизни, в их числе руководители словаря Ф. Славский и В. Борысь. Ознакомление с новыми томами [SP] позволяет утверждать, что, несмотря на перемены в авторском составе, они сохраняют качества этого словаря как «исключительно тщательного и добросовестного научного труда» [Трубачев 1982: 169]⁹. Ранее отмечалось, что [SP] (в томах I–IX) стремился к созданию тезауруса праславянской лексики при учете фактора межславянской и т. п. лексической интерференции, строгом следовании законам исторической фонетики и моделям словообразования, не менее строгом разделении праславянских и послепраславянских образований и проч. (ср. [Havlová 2002: 55]).

Как и в предшествующих томах [SP], в новых томах основное внимание уделяется тщательной проработке и презентации данных славянских языков с учетом их формального облика, семантики, географии и истории, в меньшей степени — привлечению научной литературы. В строении словарных статей органически сочетаются алфавитный порядок подачи материала с элементами гнездового и рациональное разбиение на части (по группам славянских языков). При этом [SP] чаще остается в рамках корпуса этимологий, содержащихся в основных этимологических словарях славянских и индоевропейских языков (труды Э. Бернекера, Ф. Славского, М. Фасмера, Э. Френкеля и др.), обычно сохраняя или корректируя известные балто-славянские сближения¹⁰, критикуемые или отклоняемые в [ЭССЯ]. Разумеется, в [SP] X–XI предлагаются и новые решения — как самих авторов словаря, так и других ученых. И [ЭССЯ], и [SP] пока не используют ларингальные.

Качество проработки лексических данных и степень достоверности праславянских реконструкций опубликованных томов [SP], в том числе X–XI, находятся, как правило, на очень высоком уровне и не уступают соответствующим выпускам [ЭССЯ], где некоторые реконструкции и связанные с ними этимологические решения можно расценить как носящие в определенной степени экспериментальный (эвристически яркий и смелый, с долей гипотетичности) характер. Примером может служить праслав. (сев.) **kapra* ‘гной в глазах’ (слвц. диал. *kapra* ‘то же’ и др.), возводимое к и.-е. **kōpr-* на основе сравнения (весьма спорного) с греч. *κόπρος* ‘навоз, помет, нечистоты, грязь’ [ЭССЯ, 9: 148–149]. Согласно [Beekes, 1: 748], *κόπρος* из и.-е.

⁸ Из коллектива, готовившего VIII том, работу над X–XI томами продолжила лишь М. Якубович. См. ее статью об истории и перспективах «Праславянского словаря» [Jakubowicz 2014].

⁹ См. также [Аникин 1993; 1998; 2004].

¹⁰ [SP] можно упрекнуть в недооценке прусского материала.

**k'ok^u-r*. Менее ярко, но зато более осторожно обычное производство **kapra* от **kapati* ‘капать’ с суфф. *-ra* [Boryś 2005: 221]. Об отсутствии **kapra* в [SP, X] см. далее.

В рамках имеющихся в [SP] X–XI словарных статей лексические данные отличаются полнотой и строгостью подачи, которая лишь изредка вызывает вопросы, как и комментарии к лексике. Таково упоминаемое в статье [SP, X: 260] **kosa* ‘коса (волосы)’ соответствие между укр. диал. *kosá* ‘селезенка животного’ [СУГВО, 1: 176] и лит. *kasà* ‘поджелудочная железа’, ‘селезенка’, отношение между которыми справедливо признано неясным. Украинское слово дается как изолированное, хотя в соседней статье **kosa* ‘орудие косьбы’ приводится также блр. *касы* мн., диал. *касá* ‘селезенка’ [SP, X: 259]. Сюда следует добавить рус. диал. *kosá* ‘поджелудочная железа, селезенка’ и укр. *kosá* ‘селезенка свиньи’ [ЭССЯ, 11: 177–179]. Слово *kosa* ‘селезенка’ понимается в [Там же] как ‘косая’ (см. также [ЭСБМ, 4: 291]), что не исключает попытки объяснить это слово иначе. Учитывая лит. *dal̃gis, dalgẽ* ‘коса (орудие)’ и диал. *dalgẽ* ‘перо в хвосте петуха’, ‘селезенка’ [LKŽ, 2, s.vv.], можно думать, что *kosa* ‘селезенка’ входит в один ряд с рус. диал. *kosá* ‘хвостовые перья петуха’, ст.-польск. *kosa* ‘изогнутое перо в хвосте петуха’ и под. [SP, X: 258], и согласиться с объяснением ‘селезенка’ < ‘предмет, похожий на косу (орудие)’ [ЕСУМ, 3: 49]. В словаре Ф. Славского *kosa* ‘селезенка’ отнесено к праслав. **kosa* ‘коса (волосы)’ [Sławski, II: 518]¹¹.

Если первые восемь томов [SP], как сказано выше, предлагали праславянский словник в варианте, тяготевшем к тезаурусу (так сказать, *longlist*), включая даже междометия, то в [SP] X–XI, кажется, возобладали принцип «лучше меньше, да лучше» и тенденция к варианту *shortlist* (основная лексика праславянского). Объем выпусков [ЭССЯ] 9–13, в которых содержится лексика на **k-*, в полтора-два раза больше, чем суммарный объем X и XI томов [SP]. Возможно, компактность словника X и XI томов [SP] обусловили и разного рода организационные трудности в их подготовке, осуществлявшейся в рамках гранта [Jakubowicz 2014: 534].

В словник [SP] X–XI включаются, видимо, лишь максимально надежные (с точки зрения авторов) реконструкции, не столь многочисленны диминутивы и другие производные, хотя по-прежнему встречаются позиции для морфем, не используемых в качестве самостоятельного слова (чего нет в [ЭССЯ]), например статья о частице **-ka*. В предшествующих томах [SP] чаще приводились фрагменты реконструированных праславянских текстов (например, **vľ'kodlakъ ěstъ měsĕcъ, sľnъce* [SP, VI: 153]), ср. в [SP, X: 80] **klasti ogъnъ* (sic!) ‘разжигать огонь’.

¹¹ Ср. [Аникин 1994: 87–88], где *kosa* ‘селезенка’ объясняется как ‘сплетение волокон’ и также отнесено к **kosa* ‘коса (волосы)’.

В конце сентября 1991 г. перед симпозиумом памяти Ф. Миклошича в Вене мне довелось провести несколько минут в обществе В. Борыся, который провел бессонную ночь после прибытия из Кракова и был несколько не в духе. Видимо, приняв меня за сотрудника [ЭССЯ], он сказал мне слова, смысл которых был: «вы в ЭССЯ спешите всякое славянское слово возвести к праславянскому!». Соответственно, «*prasłowiańskość*» многих лексем в [ЭССЯ], особенно тех, которые реконструированы на основании данных лишь одного славянского языка (праславянский диалектизм), чаще русского, подвергается в [SP] сомнению.

Одна из заметных особенностей [SP], в том числе томов X и XI, — отсутствие (с оговорками, о которых ниже) астерисков над праславянскими (также балто-славянскими и индоевропейскими) реконструкциями, что создает, особенно в отношении праславянского, иллюзию того, что реконструкция приравнивается к реальным языковым фактам славянских языков. Подобному оптимистическому подходу можно противопоставить пессимистический, отразившийся в докладе на XII Международном съезде славистов К. Штайнке, который усомнился в реальности праславянского (ср. [Steinke 1998]). Этот доклад тогда же, на съезде, вызвал категорическое неприятие Е. А. Хелимского, который отверг сомнения К. Штайнке, высказавшись примерно так: если бы современный славист зачитал праславянину несколько реконструированных праславянских лексем, праславянин сказал бы: «По-нашему говорит, хоть и как-то чудно». Конечно, «праславянин» испытал бы затруднения в понимании зачитываемых ему реконструированных праславянских лексем в том числе из-за различий в их облике у разных ученых (школ), — в частности, потому, что в большей части этимологической литературы они даются, как правило, без акцентуации (в [SP] X–XI она отсутствует, в предшествующих томах давалась спорадически), которая присутствует — не всегда на тождественных основаниях — в реконструкциях ученых, хорошо осведомленных в (пра)славянской акцентологии и/или специально ею занимающихся. Вероятно, «праславянин» поправил бы предложенное ему звучание многих лексем и с интересом бы отнесся к «*Lautungen*» этих лексем (с балтийскими коррелятами) в период около 600 г. н. э. в представлении Г. Хольцера: **aī* ‘очи’, **ōšī* ‘уши’ и проч. [Holzer 2000].

В первых восьми томах [SP] астериск все-таки использовался, но в специфических целях: в роли метки для реконструкций, расцениваемых как чисто гипотетические и/или неприемлемые. Чаще всего они ставились над теми лексемами (довольно многочисленными) из [ЭССЯ] (иногда из словаря Э. Бернекера и др.), которые отвергаются в [SP], что сопровождалось комментариями, хотя и предельно краткими. Эту практику О. Н. Трубачев назвал «своеобразным рецензированием и комментированием» [ЭССЯ]

«в несколько одностороннем, большей частью критическом духе» [Трубачев 1985: 17].

В [SP] X–XI такая практика, которую следует признать хоть и несколько обидной для [ЭССЯ], но по существу полезной (эксплицитно выраженные возражения), сменилась иной: отклоняемые реконструкции [ЭССЯ] не приводятся (возможно, из экономии места) и не упоминаются, астериск не используется¹² [Jakubowicz 2014: 537]. Это в какой-то мере досадно, поскольку остается только гадать, по какой причине та или иная лексема из [ЭССЯ] не включена в словник [SP]¹³. «Отклоненных» примеров, как и в VIII томе, много. Только на отрезке словника от **ka* до **kaz-* можно указать следующие лексемы из [ЭССЯ], которых нет в [SP]: **ka dьne*, **kabavъjь*, **kajanъjь*, **kajaznъ*, **kalakъ*, **kalenica*, **kalenъjь*, **kalěpa*, **kalęga*, **kalika*, **kalivo*, **kalizna*, **kal'ati (sę)*, **kal'uxъ*, **kalokaloga*, **kamenatъjь*, **kameněti*, **kameniti (sę)*, **kamenolomъ*, **kamenovati*, **kamenъka / *kamenъkъ*, **kamorъ*, **kapavica*, **kapežъ*, **kapějъ / *kapělъ*, **kapěti*, **kapiti*, **kapn'a*, **kapovъnica*, **kapra*, **karpavъjь*, **karpъ*, **karpъtъ*, **kariti (sę)*, **karъba*, **karъna*, **karъnъjь*, **kastiti (sę)*, **kasty*, **kastъ*, **kasъnъjь*, **katъkъ*, **kavorna*, **kavyka*, **kavъlъ*, **kavъrtъ*, **kavъrza*, **kazanъjь*, **kaziměrъ*, **kaziteljъ*, **kazobъ*. Число этих лексем даже немного превышает число лексем, которые на том же отрезке словника в двух словарях совпадают, начиная с **ka(o)blqъ* [ЭССЯ, 9: 106] — **kablqъ* [SP, X: 22] и т. п. Примерно то же самое и на других отрезках словника. Вообще, консенсус между [ЭССЯ] и [SP] есть, но он далек от полного.

Единственный пример использования астериска, который мне встретился в [SP] X–XI, не связан с [ЭССЯ] и дается над лексемой **klękti* ‘стать на колени’, — видимо, по той причине, что она не имеет надежных рефлексов в славянских языках (хотя есть с.-хорв. редк. *klěci*, *klěknēm* ‘то же’) и опирается на итеративы **klękati*, **klęcati*, *klęcati* и приставочное ст.-польск. *poklęc* ‘упасть на колени’ (на основе форм *poklęli* и *poklęklъ*). Надо заметить, что степень гипотетичности **klękti* (находящего соответствие в лит. диал. *klėnkti* ‘идти с трудом, тащиться’) едва ли намного больше, чем у реконструкций [SP] без астериска. Кстати, обсуждая родственное прасл. **klęča* ‘кляча’, [SP, X: 96] проходит мимо возможности сравнения с прус. *klente* ‘корова’ [Топоров ПЯ, 4: 64].

В [ЭССЯ], прежде всего в первых 13 выпусках, использовалась семантическая реконструкция, постоянно апеллирующая к фактору изменения

¹² Вместе с астериском в [SP] X–XI по большей части исчезли и прежние довольно категоричные оценки в адрес [ЭССЯ] — «mało prawdopodobnie», «nie widać podstaw».

¹³ Спорные (с сомнительной древностью) праславянские реконструкции и соответствующие этимологии могут быть полезны для исследования лексики отдельных славянских языков.

и варьирования семантики, семантического синкретизма, с отказом (за редкими исключениями) от эксплицитного указания значения праславянской лексемы. «Rozbieżność» значений слов в статьях [ЭССЯ] становилась одной из основных причин их критики со стороны [SP], особенно в [SP, VIII]. «Rozbieżność» может скрывать не варьирование и не семантическую эволюцию, а гетерогенность слов, — заимствованное (субстратное) происхождение и/или принадлежность к разным этимологическим гнездам исконной лексики. Свойственный [SP] принцип однородности значений («jednolitość»), несмотря на его недостатки [Трубачев 1985: 17], представляется более предпочтительным для праславянской реконструкции [Аникин 2004: 369–370].

Новые тома [SP] демонстрируют примеры обоснованной омонимизации материала, объединенного в [ЭССЯ] одним этимологическим решением в рамках одной статьи. Таков случай с **kapati* I (**kapnǫti* I) ‘падать каплями, капать’ и **kapati* II (**kapnǫti* II) ‘уходить, отбывать, погибать, чахнуть, исчезать’ [SP, X: 49–53], ср. единое **kapati* и *kapnǫti* в [ЭССЯ, 9: 144–145, 147–148].

Но случается, что и [SP] можно упрекнуть в отступлении от принципа «jednolitości» значений. Под леммой **karasъ* (наряду с **karasъ*) ‘рыба карась’ в словаре приводятся, кроме ихтионимов, русские диалектизмы *káras* ‘деревянный сруб, заполненный крупными камнями (для постройки мельничных плотин или небольших мостов)’, *karáci*, *karácy* мн. ‘то же’, *káras* ‘опора моста, мельничной плотины’ и под. [SP, X: 56], отношения значений ‘рыба карась’ и ‘сруб, опора моста’¹⁴ не объясняются. Не объяснено *káras* в последнем значении и у Фасмера [2: 193]¹⁵. Допуская диссимиляцию по месту образования *m...c > k...c*, можно предположить тождество *káras* и диал. *táras* ‘устой, бык моста’, *tarácy* мн. и под. [СРНГ, 43: 281] — из ст.-польск. *taras* ‘насыпь, вал и др.’, которое через западноевропейское посредство (ср. нем. *Terrasse*, франц. *terrasse* > рус. *терраса*) происходит из нар.-лат. *terrācea* ([Фасмер, 4: 23], здесь же дополнение О. Н. Трубачева). Различие значений у омонимов типа *káras* объясняется, видимо, разным происхождением (этимологическая омонимия), а не метафорой и под.

Рус.-цслав. *коуколь* ‘плащ’, ‘монашеский головной покров, куколь’, рус. диал. *куколь* ‘льняное покрывало’ и ст.-слав. *коукоуль* ‘капюшон’ в [SP, XI: 18–19] включены в число продолжений прасл. **kǫkol’ъ* ‘плевел’, хотя для этих названий одежды имеется известная и убедительная этимология

¹⁴ В статье [ЭССЯ] **karasъ* слова в этом значении как раз не приводятся, что оправданно.

¹⁵ Не убеждает попытка объяснить *káras* ‘опора моста и т. п.’ как субстратное включение из вымерших финно-угорских языков ([Востриков 1981: 20–21]; ср. [Дмитриева 1984: 46–47]).

(из ср.-греч. κουκούλλι(ον) < лат. *cucullus* ‘капошон’ [Фасмер, 2: 406]), обновленная А. А. Пичхадзе [2003: 119–120]¹⁶. Такой неточности [ЭССЯ, 10: 55] не допускает. Рус. диал. *каня* ‘индюшонок’ не следует возводить к праслав. **kan’а* ‘род коршуна, канюк’ (так в [SP, X: 48]): очевидна связь с рус. диал. *кан* ‘индюк’ (о последнем см. [Фасмер, 2: 176–177]). Рус. диал. *кóбуз* ‘музыкальный инструмент’ (< тюрк., см. [Фасмер, 2: 268]) неправомерно отождествлять (вопреки [SP, X: 154]) с *кóбуз* ‘вид коршуна, сокола’.

Несмотря на тенденцию [SP] X–XI к компактности, есть смысл попытаться оправдать или оспорить отсутствие в этом словаре той или иной лексемы из [ЭССЯ]. Несколько иллюстраций¹⁷.

▪ Adverbium temporis **ka dьne*, сочетание форм местоимения **къ* (ср. **къжь* ‘какой, который’ > рус. *кой*) и имени **дьнь* ‘день’, реконструируется в [ЭССЯ, 9: 106] на основе рус. диал. *ка́дни, ка́дьни, ка́днись* и др. ‘недавно, на днях; несколько лет назад’, а также *ка́водни́, ка́водни́ся-ка* нареч. ‘неделю или месяц тому назад’ [СРНГ, 12: 294, 299].

Более распространенные варианты рассматриваемых наречий — диал. *ко́ва́дни(сь), ко́ва́дня(сь), ко́во́дни, ко́во́днясь, ко́ведни, ко́веднясь, ко́вьидесь, ко́днесь, ко́днись* [СРНГ, 14: 24, 28, 32, 35, 45]. Эти слова — результат трансформаций словосочетания *коева дни, коева дня* < **коего дьне* < **kojego dьne* (genetivus temporis) от местоимения **къжь* и имени **дьнь* [ЭССЯ, 10: 112–113; 13: 176–177]. К этимону особенно близки диал. *ко́ева́дни, ко́евóдни* ‘когда’, ‘на днях’, *каива́дни и каива́ дни* ‘недавно’ [СРНГ, 12: 323; 14: 47]. Диалектные формы *косва́дись* ‘когда-то’, *косва́дни* ‘прошлый раз’ енис. [СРНГ, 15: 48] содержат явное искажение (-с- ошибочно вместо -е-).

Диал. *ка́дни, ка́дьни*, видимо, результат сокращения (гаплогогии) и/или стяжения *ка́водни* < *каива́дни, коева́дни*. Ср. *ко́вни* ‘недавно’ [СРНГ, 14: 31] < *ко́вдни* < *ко́водни* или *ко́вадни*. Праслав. **ka dьne* в [ЭССЯ] основано на вторичных формах и неприемлемо, отсутствие этой праформы в [SP] выглядит обоснованным. В [SP] отсутствует и праслав. **kojego dьne*, видимо, имеющее право на существование, хотя это словосочетание вполне могло возникнуть на великорусской (не праславянской) почве.

▪ Словин. *kamor* ‘камень’ О. Н. Трубачев [1972: 10] сравнил с праслав. **kamy, -tene* ‘камень’, усмотрев в словинском слове реликт гетероклизии, что привело к реконструкции праслав. (зап.) **kamorъ* в [ЭССЯ, 9: 137], поддержанной в [Общ. лекс.: 123]. В пользу данной

¹⁶ См. также [Лукина 1990: 28].

¹⁷ Автор этих строк дает свое понимание, авторы [SP], вероятно, руководствовались при отборе праславянских лексем иными соображениями.

реконструкции — ее правдоподобный рефлекс в венгерском (< (?) слав.) орониме *Kámtor* в горах Бёржён [Хелимский 1988: 360]. Отсутствие **kamtorъ* в [SP] ожидаемо, но выглядит спорным.

- Праслав. **kameniti* (*se*), глагол на *-iti* от основы **kamen-*, реконструируется в [ЭССЯ, 9: 132] на основе рус. диал. *каменѣть* ‘делать каменным’, макед. *камени се* ‘каменеть’, с.-хорв. *kāmeniti*, польск. редк. *kamienić* ‘превращать в камень’ и др. Та же праславянская лексема дается в [Дыбо 2000: 425] (здесь же дополнительный славянский материал). Отсутствие лексемы в [SP, X] спорно.

- Упомянутое выше праслав. диал. **kapra* ‘гной в глазах’ имеет черты древнего образования и дается не только в [ЭССЯ], но, например, и в словаре В. Борыся [Boryś 2005: 221]. Почему лексемы нет в [SP], непонятно.

- В [SP] нет аналога насыщенной материалом статьи [ЭССЯ, 10: 134–135], посвященной праслав. **kolęda* (ср. ст.-слав. **колада** и проч.) < лат. *calendae* (см. также [Пичхадзе 2003: 105–106]), что непонятно: есть же, например, в [SP, II: 190] праслав. **ban’a* ‘баня’ < нар.-лат. **bānea* (ср. [ЭССЯ, 1: 151; Пичхадзе 2003: 42]).

- Было бы интересно узнать мотивы отсутствия в [SP] хорошо изученной лексемы **korvajъ*, откуда рус. *коровѣй* и т. п. (см. обширную статью в [ЭССЯ, 11: 112–116]), не говоря о других производных от **korva* — **korvica*, **korvina*, **korvъka* и др. [ЭССЯ, 11, s. vv.]. Понятнее отсутствие в [SP] этимологически спорного праслав. **korčunъ* с предполагаемым значением ‘день зимнего солнцеворота’. Реконструкция О. Н. Трубачева объединяет «кажущиеся непримиримыми» значения (‘нога’, ‘сочельник’, ‘коляда’, ‘внезапная смерть’, ‘черт’ и др.) на основе построения семантических связей, основанных на производстве **korčunъ*, исходно ‘переходный день’, от **korčiti* ‘шагать’ ([ЭССЯ, 11: 56–58]; ранее [Фасмер, 2: 336], с более ранней литературой). Это решение сталкивается, однако, с возражениями и находит весьма вескую балканскую альтернативу [Золтан 2005: 79].

Не задаваясь дальше подобными вопросами¹⁸, следует отметить, что в [SP] X–XI, как и в предыдущих томах словаря, обойдены вниманием результаты исследований древненовгородского диалекта и его предполагаемых следов в современных восточнославянских говорах. Эти результаты в славянской этимологии, по-видимому, вообще недооцениваются.

¹⁸ Также и вопросом о том, не достигнута ли компактность [SP] X–XI ценой упущения ряда правдоподобных праславянских лексем (не только лексем, исключение которых из праславянского словника выглядит оправданным).

Иллюстрацией может служить обсуждение возможной связи праслав. **košanъ* ‘кочерыжка, кочан’ и рус. диал. *кóча, кочь, -и* ‘кочка’, литер. *кóчка* [SP, X: 160], с одной стороны, и, с другой, связи (рассматриваемой как допустимая) праслав. **kľсь* ‘пень’, ‘выступ’ и рус. диал. *колч, -а* ‘кочка, бугорок, поросший мхом или травой’, *кóлча* ‘кочка’, *кóлчй* мн. ‘ухабы, комья мерзлой грязи’ [SP, X: 148–149]. В [ЭССЯ] этим данным соответствуют праслав. **košanъ*, **koša* и отличающееся разбросом значений **kľсь*, куда отнесены слова в значениях ‘пень, колода’ (чеш. *klič*), ‘саженец’ (словен. *kôlč*) и упомянутые рус. *колч, кóлчй*. Несколько лет назад предложено иное понимание русских диалектизмов, основанное на выявлении в говорах реликта фонетики древненовгородского диалекта, а именно звукового развития в виде цепочки [ол] > [ow] > [oo] > [ō] > [o], что позволяет отождествить рус. диал. *колч* и *кочь, кóлча* и *кóча, колчевáтый* и *кочевáтый* ‘кочковатый’ [Гиппиус, Зализняк 2018: 19], а также отказаться от праслав. **koša*, основанного фактически только на рус. диал. *коча*. Отсутствие **koša* в [SP] оправдано.

В [SP], кажется, не получили отражения рус. диал. *клоч, -а, клочóк* ‘кочка’, *кльч, -а* ‘засохший ком земли’, отнесенные в [ЭССЯ, 10: 78–79] к праслав. **kľсь*, во многом совпадающего по материалу с упомянутым **kľсь*. Есть основания считать, что оправдано только **kľсь*, а **kľсь* избыточно, т. к. *клоч(ок), клыч* содержат реликт древненовгородской фонетической новации — развития особых рефлексов сочетания **ТьгТ*, а именно [ло], [лы], о котором см. [Зализняк 1997: 252–253]¹⁹.

Непонятны причины, по которым в [SP] отклонены праслав. **kьrpati* ‘латать, чинить’, ‘кропать’ и близкое по значению **kьrěti / *kьrpati*, фундированные в [ЭССЯ, 13: 237, 239] довольно обширным материалом. Понятнее отсутствие в [SP] праслав. **kropati*, которое опирается почти исключительно на русские данные: *кронáть*, диал. *крóнáть* [ЭССЯ, 13: 7]. Как и в случае с *клоч*, этот материал отражает специфический результат развития группы **ТьгТ*, а именно [ро], о чем в связи с *кронáть* писал А. А. Зализняк [1997: 253]. Прасл. **kropati* представляется избыточным (следует исходить из **kьrp-*), а отказ в [ЭССЯ, 13: 7] от давнего сближения *кронáть* и *корпéть* (см. о нем [Фасмер, 2: 382]) — неправомерным.

С учетом исследований по русской исторической диалектологии древненовгородского и смежных ареалов могут быть предложены альтернативы и/или коррективы для ряда реконструкций [ЭССЯ] и частично [SP], имеющих в анлауте **kl-*, а также **l-*. Речь идет о примерах, содержащих возможные отражения анлаутного праслав. **tl-* или **Tl-* (из б.-слав. **tl-* и **dl-*), в том

¹⁹ См. также [Николаев 2023].

числе *кл-* в древненовгородском при обычном вост.-слав. *л-* (о **tl* и географическом распределении его рефлексов см. [Николаев 1989: 194]; ранее [Зализняк 1986: 121])²⁰.

Удачной в целом представляется реконструкция в [SP, X: 109–110] праслав. **klěskati* / **kleskati* ‘хлопать’, ‘чавкать, чмокать’, куда отнесены не только рус. диал. *клёска́ть* ‘хлестать, хлопать в ладоши’, польск. *klaskać* ‘хлопать’ и под., но и западнославянские слова с анлаутным *tl-* — чеш. *tleskati*, словц. *tlieskat’* ‘хлопать в ладоши’, упущенные в соответствующей статье [ЭССЯ, 10: 13] **kleskati* / **klěskati* / **klestati*. В [SP, X: 103–104] обособленно выделяется еще **kļeskati*, вариант с ринезмом, отразившийся в рус. диал. *кля́ска́ть* и польск. *kļaskać* и *kļeskać*. Согласно [SP], исходным для указанных звукоподражательных глаголов является междометие **klēs-*, **klesk-*, на чем основано сравнение с лит. *klēsti*, *klesčiū* ‘хлестать, стегать бичом’²¹, лтш. *klest*, *kļēšu*, *klesu* ‘жрать, трескаться’ [SP, X: 110], предполагающее б.-слав. **kl-*. Однако такое решение не единственно возможное. Славянский материал объясним исходя из праслав. **tl-* (**tl-*), что позволяет привлечь к сравнению с рус. *клёска́ть*, чеш. *tleskati* и т. п. также рус. диал. *лёска́ть* ‘бить, хлестать, хлопать’, ‘чавкать’, *ля́ска́ть* ‘лязгать’ [Николаев 1989: 192]. В [ЭССЯ, 14: 135–136] *лёска́ть* отнесено к праслав. **leskati*, видимо, спорному (избыточному). Интересно, что в одном из давних томов, [SP, III: 237], имеются отсылочные статьи: **dleskati* см. **kleskati* / **klěskati*; **dļeskati* см. **kļeskati*. Однако в [SP, X] праформы на **dl-* не упоминаются.

В [ЭССЯ, 10: 13–14] реконструируется девербатив от **kleskati* / **kleskati* — **kleskь* / **klestь*, куда отнесены рус. диал. (сев.) *клёск*, *клёст*, *клеска́*, *клетка́* ‘рыбья чешуя’ и т. п. славянские слова с разнообразными значениями — ‘птица клест’ (рус. *клёст*, *клет*), ‘прут’ (ст.-чеш. *klest*), ‘хлопанье’ (в.-луж. *klesk*) и др. В [SP, X: 104] из этого материала получило отражение лишь название птицы клеста или дубоноса, которому посвящена статья **kļeskь* / **kleskь* с обширным, логично представленным лексическим материалом (польск. *kļeskь*, ст.-польск. *klesk* и др.) и той же этимологией, что в [ЭССЯ]: от оноματοпеического **kle/ęskati*.

Интересно, как в [SP] предполагается объяснять славянское название леща (др.-новг. *клещь* ‘лещ’²², ст.-польск. *kleszcz*, рус. *лещ*, ст.-чеш. *dlešč*, чеш. *dlešec* и проч.), поскольку сохранившееся в северновеликорусском и пока не отраженное в [SP] название рыбьей чешуи типа *клёск* выступает

²⁰ См. также [Иванов 2008: 265–266] — с особым вниманием к балто-славянскому сравнению.

²¹ Глагол *klēsti* считается оноματοпеическим (так и [Fraenkel, 1: 269], иначе [Smoczyński: 563]). Его сравнивают еще с рус. *хлестать*, см. [Фасмер, 4: 244; ЭССЯ, 8: 26].

²² О топонимических соответствиях см. [Васильев, 2012: 409–413].

как правдоподобный этимон этого ихтионима: праслав. **tleščь* (чеш. *dl-* из-за озвончения) < **tlesk-jo-* [Зализняк 1986: 121] или (по С. Л. Николаеву) **Tlesk-jo-* от **tleskъ* (**Tl-*) от звукоподражательного **tleskati* (**Tl-*). Неоправдана раздельная подача славянских названий леща в двух статьях [ЭССЯ] — **dleščь* (только чешский материал, см. [ЭССЯ, 5: 37]) и **leščь* [ЭССЯ, 14: 142–145], из которых последняя богата материалом и литературой²³, но не дает окончательного решения.

Что касается названия клеста или дубоноса, то в [SP, X: 104] s. v. **klęskъ* / **kleskъ* для примеров с начальным *dl-* (серб. *длѣск*, словен. *dlěsk* (и *klesk*) чеш. *dlesk*, *dlask*, слов. *dlask* (и *glezg*) и др.) предполагается развитие **kl-* > *dl-* без учета давно высказанного предположения о начальном **tl-* [Зализняк 1986: 121], т. е. **tl-* (**Tl-*) > *dl-* / *kl-*, что выглядит более естественным развитием. Все же данный случай можно признать спорным, тем более что сомнения Л. А. Булаховского (упоминание о них см. у А. А. Зализняка [Там же]) по поводу укр. *клест* отпали ввиду украинских диалектных данных [ЕСУМ, 2: 459], а великорусские корреляты на *л-* как будто не засвидетельствованы.

Судя по отсылочным статьям в [SP, III: 237] (**dleskъ* см. **kleskъ*; **dlęskъ* см. **klęskъ*), в этом словаре для названий клеста / дубоноса ранее допускался анлаут на **dl-*, однако в [SP, X] **dle/ęskъ* не отмечается.

Возможность начального **Tl-* обоснована С. Л. Николаевым [1989: 193–194] для нескольких других русских диалектизмов (исходно принадлежавших к «кривичскому» ареалу) и их славянских параллелей, что дает системное (не ad hoc) этимологическое решение для некоторых словарных статей [ЭССЯ] и [SP]. Из них здесь можно привести два примера:

клѣк, блр. диал. *клѣк* ‘селедочный рассол’²⁴ — рус. диал. *лѣк*, блр. диал. *лѣк* ‘то же’, из праслав. **Tlekъ* или **Tlъkъ*. В [ЭССЯ, 9: 192] находим статью **klekъ*, где явно объединен гетерогенный материал, в [SP] соответствующие данные более осторожно и точно, но и более полно распределены между **klekъ* ‘лягушачья икра’, ‘нечто клейкое’ (рус. и блр. слова на *л-* не учтены, как и в [ЭССЯ]) и **klękъ* ‘нечто кривое (дерево, куст)’, ‘кривая палка’, также **klękъ* ‘некая птичка’ [SP, X: 85, 100–102]. Возможно, что рус. диал. *клѣк* ‘лягушачья икра’, ‘густая клейкая жидкость’ имеет особую этимологию: из **kъl(j)ъkъ*, ср. **kъlęjъ* ‘клей’ [Николаев 1989: 194]; обычно реконструируют **klęjъ* / **klъjъ*;

²³ Там же изложение проницательных идей ряда ученых об этимологии названия леща: Р. О. Якобсон, А. Брюкнер, А. И. Попов и др.

²⁴ Также (с озвончением в анлауте) рус. диал. *глѣк*, см. [Березович 2021: 178], здесь же о семантике.

клён ‘сухожилие, задняя сторона шеи под затылком, загривок’ — *лён*, *льнá* род. ед. ‘то же’ < праслав. **Тльнь* (однако славянских коррелятов нет). В [SP] рус. *клён* не отражено, в [ЭССЯ, 14: 114–115] находим статью **лєнь* / **klenъ* (-е- спорно) с предположением о контаминации с названием льна (сходство сухожилий и волокон льна) и сближением с **kle(p)nqti* ‘соединить’ (см. еще [Варбот 2012: 390–391]).

* * *

Отдельные спорные моменты в статьях новых томов [SP] ни в коей мере не препятствуют выводу о том, что возобновившееся издание словаря — большое событие в славистике, которое следует приветствовать. Нельзя не пожалеть о задержке публикации IX тома словаря (*ch-j*), который ожидается с большим интересом. Хочется надеяться, что публикация IX, XII и дальнейших томов «Праславянского словаря» не за горами.

Литература

- Аникин 1993 — А. Е. Аникин. Рец.: Słownik prasłowiański. Т. VI. Wrocław etc., 1991 // Славяноведение. 1993. № 1. С. 117–121.
- Аникин 1994 — А. Е. Аникин. Анализ омонимов в славянской этимологии и балтийские соответствия праславянской лексики // Славяноведение. 1994. № 2. С. 81–93.
- Аникин 1998 — А. Е. Аникин. Рец.: Słownik prasłowiański. Т. VII. Wrocław etc., 1995 // Славяноведение. 1998. № 1. С. 101–105.
- Аникин 2004 — А. Е. Аникин. Рец.: Słownik prasłowiański. Т. VIII. Wrocław etc., 2001 // Балто-славянские исследования XVI. М., 2004. С. 369–386.
- Аникин 2016 — А. Е. Аникин. Страничка из истории отечественной этимологии на рубеже XX и XXI веков // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 227–249.
- Березович 2021 — Е. Л. Березович. К этимологии русской лексики со значением жизненных сил // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию акад. РАН А. М. Молдована. М., 2021. С. 169–188.
- Варбот 2012 — Ж. Ж. Варбот. Исследования по русской и славянской этимологии. М., СПб., 2012.
- Васильев 2012 — В. Л. Васильев. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012.
- Востриков 1981 — О. В. Востриков. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования 1981. Свердловск, 1981. С. 3–45.
- Гиппиус, Зализняк 1918 — А. А. Гиппиус, А. А. Зализняк. Берестяные грамоты из раскопок 2017 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 1918. № 4. С. 7–24.

- Дмитриева 1984 — Т. Н. Дмитриева. К изучению лексики обско-угорского происхождения в русских говорах Нижнего Прииртышья // Этимологические исследования 1984. Свердловск, 1984. С. 41–54.
- Дыбо 2000 — В. А. Дыбо. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. 1. М., 2000.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–6 / Головний ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2012.
- Зализняк 1986 — А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977–1983 годов. М., 1986. С. 89–218.
- Зализняк 1997 — А. А. Зализняк. Об одном ранее не известном рефлексе сочетаний типа *Тѣт в древненовгородском диалекте // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997. С. 251–258.
- Золтан 2005 — А. Золтан. Древнерусское слов *корочюнь* и русский фразеологизм *карачун ему пришел* // Грани слова. Сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М., 2005. С. 76–80.
- Иванов 2008 — Вяч. Вс. Иванов. Развитие *(-)tl-, *(-)dl- > *(-)kl-, *(-)gl- в циркумбалтийской языковой зоне и диалектное членение праславянского // XV Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 248–275.
- ИИРС — Из истории русских слов: Словарь-пособие. М., 1993; 2-е изд., испр. и доп. М., 2020.
- Крысько 2014 — В. Б. Крысько. Маргиналии к «Этимологическому словарю славянских языков» (вып. 34–38) // Вопросы языкознания. 2014. № 1. С. 100–119.
- Лукина 1990 — Г. Н. Лукина. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990.
- Николаев 1989 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 187–224.
- Николаев 2023 — С. Л. Николаев. Новые данные по исторической фонетике восточнославянских языков // Славянское и балканское языкознание. Вып. 23. Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти В. А. Дыбо. М., 2023. С. 79–247.
- НРЭ — Новое в русской этимологии. Вып. 1. М., 2003.
- Общ. лекс. — Общая лексика германских и балто-славянских языков / Ред. А. П. Непокупный. Киев, 1989.
- Пичхадзе 2003 — А. А. Пичхадзе. Б́аня, коля́да, ку́коль, стря́пать // НРЭ. М., 2003. С. 41–43, 105–106, 119–120, 226–228.
- Попов 1969 — А. И. Попов. О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования // Этимология 1967. М., 1969. С. 119–128.
- РЭС — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1–. М., 2007–.

- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52 — / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Л./СПб.; М., 1965–2021–.
- СУГВО — М. Т. Авдеева. Словарь украинских говоров воронежской области. Т. 1. Воронеж, 2008.
- Топоров ПЯ — В. Н. Топоров. Прусский язык: Словарь. Т. 1 (A–D); Т. 2 (E–H); Т. 3 (I–K); Т. 4 (K–L); Т. 5 (L). М., 1975.
- Трубачев 1972 — О. Н. Трубачев. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1970. М., 1972. С. 3–20.
- Трубачев 1978 — О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (Опыт параллельного чтения) // Этимология 1976. М., 1978. С. 3–16.
- Трубачев 1982 — О. Н. Трубачев. Рец. на кн.: Słownik prasłowiański. Т. III. Wrocław, etc., 1979 // Этимология 1980. М., 1982. С. 168–170.
- Трубачев 1985 — О. Н. Трубачев. Праславянская лексикография // Этимология 1983. М., 1985. С. 3–19.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1–4. 2-е изд. М., 1986–1987 (1-е изд. М., 1964–1973).
- Хелимский 1988 — Е. А. Хелимский. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 347–368.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–14 / Галоўны рэд. В. В. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Мінск, 1978–2017.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–41 — / Отв. ред. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. М., 1973–2018–.
- Beekes — R. Beekes. Etymological Dictionary of Greek. Vol. 1–2. Leiden; Boston, 2010.
- Boryś — W. Boryś. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Derksen — R. Derksen. Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2008.
- Fraenkel — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Göttingen, 1962–1965.
- Jakubowicz 2014 — M. Jakubowicz. Historia i dalsze losy Słownika prasłowiańskiego // Studia Borysiana. Etymologica Diachronica Slavica. W 75. rocznicę urodzin prof. W. Borysia. Warszawa, 2014. S. 531–538.
- Havlová 2002 — E. Havlová. Recenze: ЭССЯ. Вып. 26/27. М., 1999, 2000 // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. 2002. R. 71. Sv. 1. S. 55–57.
- Holzer 2000 — G. Holzer. Baltisch-slavische Lexik in den Lautungen von 600 n. Chr. (Entwurf einer Rekonstruktion) // Studia Etymologica Brunensia. 2000. I. S. 287–294.

- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. T. 1–20. Vilnius, 1941–2002.
- Oguibénine 2023 — B. Oguibénine. Nouveaux compléments au *Dictionnaire étymologique de la langue russe* de Max Vasmer (алкать — ятровь). Paris, 2023.
- Orel — V. Orel. Russian etymological Dictionary. Vol. 1–2. Calgary, 2007.
- Sławski — F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 1–5. Kraków, 1953–1979.
- Smoczyński — W. Smoczyński. Lithuanian Etymological Dictionary. Berlin, 2018.
- SP — Słownik prasłowiański. T. I–VIII / Red. F. Sławski. Wrocław etc., 1974–2002. T. X–XI / Red. M. Jakubowicz. Warszawa, 2023–2024.
- Steinke 1998 — K. Steinke. Das Urslavische: Fiktion und/oder Realität? // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1998. Bd. 57 (2). S. 371–378.
- Urbutis 2002 — V. Urbutis. Рец.: Новое в русской этимологии. 1. М., 2003 // *Baltistica* 2002. 37 (2). P. 369–372.